знании иностранных источников, 11 полемизируя при этом со свипетельством самого Ломоносова об использовании им «российских и иностранных древних книг» при написании «Древней российской истории». 12 Насколько же важным был для Шлёцера в 1760-е гг. этот вопрос, говорит его упрек составителю Никоновской летописи в том, что тот «совсем не знал иностранной литературы». 13 Тем не менее в предисловии к «Древней российской истории» Шлёцер повторяет уже упомянутое свидетельство Ломоносова об использовании им и русских и иностранных сочинений. Причина изменения (произведенного Академией? просто корректором?), в результате когорого оказывается, что Ломоносов читал лишь иностранные источники, постаточно сложна, не объясняется однозначно и поэтому требует дополнительных изысканий. В то же время представляется, что именно это изменение текста, касавшееся вопроса, столь волновавшего в те времена Шлёцера, могло быть одним из оснований, заставивших его через много лет (немецкое издание «Нестора» выходило в 1802—1809 гг.) упомянуть об изменении написанного им предисловия к «Древней российской истории».

Экземпляр, содержащий неизвестный печатный вариант предисловия, примечателен еще и большим количеством маргиналий, сделанных одним и тем же почерком XVIII в. Маргиналии содержат дополнения из ряда источников (в том числе и цитаты из летописи), пояснения к переводу отдельных нерусских слов; в некоторых местах текст перечеркнут. Эти записи сделаны главным образом на немецком языке, хотя цитаты приводятся на греческом и русском, ряд слов — на латинском и французском языках. Анализ маргиналий не является предметом нашего сообщения и требует специального исследования. Тем не менее наличие первоначального варианта титульного листа, предисловия и оглавления, записи на полях, свидетельствующие об ученой работе их неизвестного автора, позволяют предположить, что описанный экземпляр «Древней российской истории» мог принадлежать человеку, который имел отношение к изпанию этого труда Ломоносова и в то же время был вынужден по обязанности работать с его текстом, например Г.-Л. X. Бакмейстеру, переводчику «Древней российской истории» на немецкий язык, или даже самому А. Л. Шлёцеру.

13 Руская летопись по Никонову списку. СПб., 1767. Ч. 1. До 1094 года.

C. [10].

Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлёцера, им самим описанная: Пребывание и служба в России, от 1761 до 1765 г.: Известия о тогдашней русской литературе / Пер. с нем. с примеч. и прилож. В. Кеневича. СПб., 1875. С. 196—198 (СОРЯС. Т. 13).
12 Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 413, 415. Под «иностранными»

¹² Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 413, 415. Под «иностранными» понимались главным образом византийские и древнегреческие сочинения (см.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 428—429), хотя Ломоносов обращался и к западноевропейским источникам (см.: Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Ч. 2. С. 183. Но, цитируя отзыв Ломоносова, Плёцер выделяет слово «иностранные» курсивом и ставит после него вопросительный знак в скобках (Общественная и частная жизнь Августа Людвига Плёцера. . . С. 198).